

DOI: 10.31648/an.6663

ИМАМ ШАМИЛЬ В РОМАНАХ ЯКУБА ГОРДОНА
KAUKAZ CZYLI OSTATNIE DNI SZAMYŁA
И МАРИАМ ИБРАГИМОВОЙ *ИМАМ ШАМИЛЬ*

IMAM SZAMIL IN JAKUB GORDON'S *KAUKAZ*
CZYLI OSTATNIE DNI SZAMYŁA
AND MARIAM IBRAGIMOVA'S *IMAM SHAMIL*

Oksana Weretiuk

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9532-3264>

Uniwersytet Rzeszowski / University of Rzeszów

e-mail: oksanaw@ur.edu.pl

Keywords: Shamil, Imperial Russia, Caucasian resistance, literary image, comparison

Abstract: The Uprising of Imam Shamil is a tragic and vivid event in the history of the Caucasus, hence it is not surprising that writers of different peoples from different times turn to it. This article, with the employment of the comparative method, explores the literary image of Shamil created on the basis of historical events by the Polish writer Jakub Gordon in his historical novel *Kaukaz czyli Ostatnie dni Szamyla. Powieść historyczna* (1865) and by the Dagestan-Russian writer Mariam Ibragimova in her historical trilogy *Imam Shamil* (1991). The first novel was written by a contemporary of Polish military-political participants in the Caucasian War, who communicated with its witnesses, the second one – by a compatriot of Shamil, a modern Dagestan and Russian writer. The differences in time, place of writing, aesthetic backgrounds, and nationality of the authors of these two novels created in similar genres foresee some discrepancies in their artistic structure, ideological accents and focus on the displayed events.

В XIX в. судьба Кавказа и Польши была тесно связана с историей России. В польском королевстве национальное движение 1830-1831 гг. было подавлено, а на Кавказе восстание во главе с Шамилем стремительно развивалось. Первой группой поляков, пришедших на Кавказ, стали участники восстания Тадеуша Костюшко, попавшие в царский плен

после разгрома инсurreкции. Затем к ним присоединились польские наполеоновские солдаты, ноябрьские и январские повстанцы, составляющие неотъемлемую часть этого региона. Польские ссыльные, как и те немногочисленные поляки, которые попали на Кавказ по личным мотивам или случайно, сыграли значительную роль в истории кавказско-русских вооруженных столкновений, сражаясь в Кавказской войне (1817-1864) как на стороне русской царской армии, так и на стороне кавказских горцев во главе с Шамилем.

Имам Шамиль был главным действующим лицом кавказской истории начала XX в., сложной истории российско-кавказских отношений, которая писалась, переписывалась много раз, в зависимости от оптики и идейной позиции пишущего. Он был и является «главным кавказским героем, воин мусульманин, защитник кавказской культуры от русских» [Новицкий 2009, 145]. Легендарный Шамиль нередко становился предметом воспоминаний, записок пребывавших на Кавказе поляков (например, Кароля Калиновского, *Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od 1844 do 1854* (1882-1883; 1908), Теофиля Лапиньского, *Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen: Nach eigener Anschauung geschildert von Theophil Lapinski (lesik Bey). Band 1,2* (1863), Леона Гершевского, *Pamiętki z niewoli* (1852), Матеуша Гралевского, *Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli* (1877) и др.). Восстание имама Шамиля – трагическая и яркая страница в истории Кавказа, не удивительно, что к ней обращались литераторы разных народов, разных времен. Особенно популярным был образ Шамиля, борца за свободу, в литературе европейского романтизма, когда активное мироотношение с настроением борьбы и протеста против царящего зла соединялось со стремлением ко всему необычайному, экзотическому и отдаленному.

Наше исследовательское внимание привлёк литературный образ Шамиля, созданный на фоне исторических событий польским писателем Якубом Гордоном в историческом романе *Kaukaz czyli Ostatnie dni Szamyla. Powieść historyczna* (1865) и дагестанско-русской писательницей Мариам Ибрагимовой в исторической трилогии *Имам Шамиль* (1991). Первый роман был создан современником польского военно-политического участия в Кавказской войне, и общавшимся с её свидетелями и участниками, второй – соотечественницей Шамиля, современной дагестанской и русской писательницей. Разница во времени, месте написания, эстетических приоритетах, разная национальная принадлежность авторов этих двух сходных по жанру романов обуславливают расхождения в их художественно-композиционном плане, идеологических акцентах и фокусированию отображаемых событий.

Якуб Гордон (Максимилиан Ятовт), писатель, мемуарист, журналист, борец за независимость Польши, родился между 1823 и 1827 гг. в Вильнюсе, умер 27 ноября 1895 г. во Львове [Turowicz 1964-1965, XI, 96-97];

с 1849 по 1855 гг. отбывал ссылку в Оренбурге, что подробно описал в книге воспоминаний *Soldat czyli Sześć lat w Orenburgu i Uralsku: nowe pamiętniki J. Gordona* (1865); до ссылки, в эмиграции (1847-1848 г.), в Париже, был помощником секретаря кн. Адама Ежи Чарторыйского (делал копии документов в канцелярии князя), следовательно, мог знать о ближневосточной и кавказской деятельности возглавляемого Чарторыйским «Отеля Ламбер», консервативно-либерального «правого крыла Большой Эмиграции» [см.: Zahorski et al. 1992, 286] в Париже, названной так, поскольку с 1843 г. особняк Ламбер стал политическим штабом и культурным центром польских изгнанников после подавления ноябрьского восстания [см. подробнее: Kalembka 1971, 87]. По словам Мечислава Ингльота, «В 1834-1840 гг. кавказский вопрос составляет значительную часть политики Чарторыйского. Он стремится активно включиться в черкесские восстания, используя момент их поддержки Англией» [Inglot 1957, 544]. Не исчезал из поля зрения князя Кавказ и в период парижской работы Ятовта.

Мариам Ибрагимова родилась в 1918 г. в ауле Хуты, в Дагестане, входившим в состав Российской империи, умерла в 1993 г., в Кисловодске (Россия). Её родителями были местный лак¹, Ибрагим Буттаевич Давыдов, потомок известного рода сеидов, принесших в восьмом веке ислам на Кавказ, и русская женщина Прасковья, правнучка декабриста и лицейского друга А.С. Пушкина, Михаила Ивановича Пущина². Врач по профессии, она все свое свободное время отдавала творчеству, оставив большое наследие – пятнадцатитомное собрание сочинений, среди которых наиболее значительным является трехтомный роман *Имам Шамиль*, ожидавший своей публикации более тридцати лет. По признанию Расула Гамзатова, упомянутым издателем единственной биографии писательницы, её роман *Имам Шамиль* по праву является самым лучшим описанием Шамиля и Кавказской войны [Ибрагимов 2018]. Биографически – у Ибрагимовой доминирует идеология единения, примирения горцев с русскими, у Ятовта – ненависти к поработителям и безоговорочной конфронтации.

Оба исторических романа посвящены Шамилю и Кавказской войне. Значительно большее по объёму произведение дагестанско-русской писательницы довольно подробно, в хронологической последовательности (с привлеченными иллюстрациями, фотоснимками запечатленных исто-

¹ Лакцы, ед.ч. лак, лакец – один из коренных народов Северного Кавказа, их родиной есть Дагестан.

² Мариам Ибрагимова была известным и уважаемым человеком в Дагестане и Пятигорске, но слава к Ибрагимовой-писательнице пришла всего за два года до смерти, после выхода в свет романа-трилогии *Шамиль*, главного произведения ее жизни. Позднее литературное признание Ибрагимовой частично объясняет отсутствие ее имени в информационных литературных изданиях России. Биографические данные писательницы доступны преимущественно в интернете, предисловиях ее книг, кратких газетных рецензиях г. Пятигорска и биографической книге, подготовленной и изданной её сыном, историком, Рустамом Ибрагимовым.

рических событий, лиц, географических карт и карт боевых действий, авторскими примечаниями-объяснениями локальной лексики и терминологии ислама), от третьего лица и с активным использованием диалогов описывает биографию главного героя, предводителя кавказских горцев – от его юности, приобщения к мюридизму и идеологии «священной войны»³ до сдачи в плен русским, изгнания и смерти в Медине, городе пророка Мухаммеда; преобладают в нем исторические персонажи, связанные с Шамилем и Кавказской войной, использование исторических источников; польские воины из отрядов Шамиля предстают второстепенными или эпизодическими персонажами. Роман польского писателя, несмотря на его заглавие (*Кавказ или последние дни Шамиля*), представляет собой автобиографические воспоминания вымышленного персонажа, поляка из-под Сохачева, Юзефа Остои, волею судьбы в раннем подростковом возрасте очутившегося на Кавказе и в пору зрелости сражавшегося в отрядах Шамиля, следовательно, в центре повествования – драматические переpleты жизни самого рассказчика, его воспоминания о поработанной родине и верность ей, жизнь и традиции горцев, Шамиль и Кавказская война, описанные якобы свидетелем и участником исторических событий. Для большей правдоподобности персонажа и происходящих событий Гордон, открывая роман, в авторском примечании убеждает читателя, что в передаче истории использовал рассказы «соотечественника, известного при Шамиле как Юсуф Остоа, который в последнее время, будучи участником восстания в Польше, был схвачен русскими; но также и другие свидетельства и достоверные источники» [Gordon 1865, 13]⁴. Таким образом, этническая централизация персонажей, избранный авторами повествовательный режим определяют полноту и характер художественного образа Шамиля.

Юсуф Остоа начинает свое повествование с указания времени его самовольного тайного ухода из родительского дома, окончившегося коварным похищением мальчика черкесом и вывозом его на Кавказ: это «1851 год». В то время имам Шамиль, как последовательно описывает это Ибрагимов, уже семнадцать лет ведет кровавую упорную борьбу с русским оккупантом за родной край и его слава облетела весь мир. До пятнадцати лет польский мальчик воспитывается в лезгинской семье как настоящий кавказец, в пору зрелости, не колеблясь, приобщается к восставшим горцам и вскоре попадает в отряд Шамиля, к людям, близким по духу, бесстрашным, готовым сопротивляться до последнего дыхания.

³ Мюридизм – политическо-религиозное движение на Кавказе в 20-50-х годах XIX в. Мюридизм как исламское течение и учение стал идеологическим фундаментом национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в их борьбе против царизма. Призывал к «священной войне» против неверных, газавату [см. Подробнее: Крымский 1897, 20, 373-374; Baddeley 1908, 230-241; Vodio 2017, 62].

⁴ Здесь и далее перевод с польского мой. Также далее мой перевод с английского.

К началу XIX в. российская экспансия поглотила большую часть бывшей Речи Посполитой, большую часть Кавказа и угрожала поглотить родину независимых горских народов на северо-западе Кавказа. Иттенсивные полувековые усилия поляков и кавказских горцев с целью освобождения от русского господства связали их между собой – Юсуф в отряде встретил много поляков, ссыльных, перебежчиков из русской армии, отказавшихся служить поработилелю их родины. С перспективы Остои, его собратьев по оружию читатель познает имама.

Объединяет обоих писателей создание типологически подобного образа Шамиля. Предводитель горцев предстает перед читателем, с одной стороны, как простой, обыкновенный горец, с женами, детьми, ошибками, радостями и страданиями, с другой – как необыкновенный человек, обладающий выдающимися физическими и интеллектуальными качествами, заметно отличающими его от окружающих. Этот человек, который на момент первой встречи с Юсуфом уже был «славой и гордостью Кавказа, вдохновенным пророком, наивысшим защитником угнетенного края» [Gordon 79], согласно этике горцев, поднимается с покрывавшего пол ковра, где отдыхал по восточному обычаю, чтобы стоя встретить вошедшего в комнату почтенного седого старика из горного аула [Gordon 81]. Юсуф вспоминает, с каким увлечением играл Шамиль с детьми им же плененных княгинь, как искренне ласкал их [Gordon 149]; с каким нескрываемым волнением встречал возвращенного русскими в обмен на княгинь своего старшего сына, Джемаль-Эддина: «Он (Шамиль) был настолько патриархально красив и великолепен в своей простоте, что московские послы стояли в оцепенении от восхищения и уважения» [Gordon 151]. Сам очень скромный в быту (это замечает каждый из авторов), Шамиль не позволял никому претендовать на особые привилегии и роскошь, в том числе своим женам и детям («Возвышаться над такими же, как мы, простыми людьми, я не позволю никому из моих близких и родных ни в одежде, ни в пище, ни в убранстве комнат» [Ибрагимова]; «он был одет скромно, как и подобает философу» [Gordon 87]; «я сам убогий и предвожу народом убогим» [Gordon 148]). Оба автора изображают имама как типичного дагестанского горца со свойственными этому народу чертами характера. В частности, отмечается объективность в оценке чьих бы то ни было достоинств или недостатков. Воина он ценил не его происхождению, не по национальности и этнической принадлежности, а по его личным качествам. Повествователь Остои вспоминает, что для лезгин, среди которых он возмужал, «Аристократии нет места. Старость, заслуга мужества и разума дают право на уважение, дружбу и приоритет в обществе. Титулы хана, шейха, султана, бегса для них не имеют значения (...)» [Gordon 35]. В подобном духе воспитан был дагестанец Шамиль. Когда смелый и проворный Юсуф, рискуя жизнью, умудряется спасти штабную документацию, оказавшуюся в логове врага, скупой на похвалу полководец отдал должное польскому солдату, щедро

наградила его и произвел в прапорщики [Gorgon 139]. В романе Ибрагимовой имам – согласно законам шариата – наказывает своих заместителей (наиба Унцукуля, его помощников и др.), которые возвысились над простыми горцами и пользовались своими правами для собственной выгоды [Ибрагимова], приказывает прекратить торговлю, «ибо в Священном писании сказано: «И раб и халиф равны перед Богом»» [Ибрагимова].

Оба автора подчеркивают страсть Шамиля к книгам (упоминают его библиотеку и факт сохранения его большой ценности – мешков и выюков с книгами), знание восточной мудрости и языков. Не умалчивают о и его вынужденной жестокости и ошибках («На этот раз (Ахульго) мужественный вождь Кавказа грубо ошибался» [Gordon 84]; описание казней, расправ над непокорными, изменниками и их семьями, напр., Хаджи Мурата – у Ибрагимовой).

Исследователи романа Ибрагимовой подчеркивают контрастность характеристики предводителя горцев [Абдуллаев, Абдуллаева 2016, 26]. Овеянное духом романтизма, воспевающего возвышенных, сильных героев и их непревзойденные качества, повествование Юсуфа в значительно большей степени от созданного в эпоху социалистического реализма повествования Ибрагимовой противопоставляет простого горского узденя и гениального пророка, способного повести за собой почти весь Кавказ. Автор усиливает это противопоставление Юсуфа характерным стилистическим приемом литературы романтизма, используя троеточие: «Шамиль, эта великая и грозная фигура, эта сила народного героя, который в прекрасном случае сопротивлялся намерениям разграбить и покорить самую сильную и могущественную империю на земле ... он был сыном пастуха в лесных пущах Дагестана» [Gordon 82].

Польский рассказчик представляет путь, который вел «этого нового пророка к самым высоким достоинствам» с помощью «его собственной гениальности» [Gordon 82]. Юсуф излагает краткую и яркую историю духовного и военно-политического восхождения Шамиля, соответствующую историческим источникам; называет его «священнослужителем и заодно рыцарем» [Gordon 83]. Пропагируя мюридизм, этот духовный пастырь сумел сплотить вокруг себя непокорных горцев [Gordon 142]. В первых двух томах романа Ибрагимовой, посвященных юности и молодости пророка, довольно подробно прослеживается становление Шамиля-лидера, подчеркиваются качества его личности и характера, которыми он наделен в большей степени, чем остальные. Наличие благородной цели, уверенность в ее достижении, мужество и смелость, интеллект, личное вовлечение в боевые действия, ораторские способности помогли ему в короткий срок завоевать доверие горцев и возглавить их борьбу. Читатель узнает, как в 1839 г., после поражения в Ахульго, в баянской мечети Шамиль убедил собравшихся представителей чеченских и ингушских сообществ в правоте

своего дела, стал имамом Чечни и Ингушетии и вскоре создал высший совет, меджлис.

Выступая с проповедью, Шамиль говорил по-арабски. Его сильный голос с приятным тембром долго звучал, овладев вниманием собравшихся, многие из которых хотя и не понимали чужой речи, но слушали с затаенным дыханием, не отрывая глаз от величественной фигуры имама, облаченного в длинный белый халат и чалму. Имам был признан всеми [Ибрагимова].

У Гордона Шамиль – тип романтического героя – необыкновенный, особенный, с особенной судьбой: «Счастливая звезда сияла над этим особенным (выделено автором) человеком и укрепила его на троне» [Gordon 83]; «судьба превратила его из пастуха в Давида, побеждающего николаевских Голиафов: паскевичей и воронцовых» [Gordon 87]. Неисчерпаемые физические, духовные и интеллектуальные возможности исторического имама Шамиля в произведении польского автора показаны с помощью характерной для романтизма антитезы: с одной стороны, он предстает венцом творения, а с другой – некой игрушкой в руках судьбы, заранее трагически обреченным. «Когда он сидел задумчивый на подушках, припоминал дремлющего льва, как только он встал и приподнял чело, всяк мог прозреть в его личности человека высшего, созданного быть лидером – но на этом челе, помимо гениальности и храбрости, сияло несчастье (выделено автором)» [Gordon 87].

Гордон наделяет имама сверхчеловеческими способностями в смертельном сражении под Ахульго, одаряя его чертами легендарного мифологического персонажа (кавказский стервятник и Прометей).

Неожиданно Шамиль, как мстительный призрак могучего Титана, появляется в другом месте и вызывает ужас у врага. Солдаты начинают считать его колдуном и шепчутся между собой, что у него есть лодка, которая переплывала в воздухе с одной горы на другую. Был ли это стервятник? Был ли дух Прометея, который поднял его через облака или подземные пещеры? Неизвестно. В результате этого народы Кавказа гласили: «Бог один» и два пророка. Первое имя Мухаммед, второе – Шамиль [Gordon 86].

Следует заметить, что писатели эпохи романтизма особенно часто обращались к образу Прометея, именно тогда, с лёгкой руки британских поэтов-романтиков, появился термин «прометеизм» (ответственность личности за добро для людей, самопожертвование ради лучшего будущего людей). Кавказская локализация мифологического титана (прикованного к скале Кавказских гор), его независимый, бунтарский характер и высокие цели, сближали великого эллина с восставшими горцами. Не исключено, что в художественном сознании Гордона образ кавказского Прометея появился под влиянием поэмы *Кавказ* (1845) украинского писателя Тараса Шевченко, которую мог услышать от автора в Оренбурге, где они вместе отбывали ссылку. Мог также знать, пребывая в Париже,

о том, что французский беллетрист Александра Дюма-отец, который после своего путешествия по Кавказу в 1858 г. публиковал газету «Кавказ. Газета путешествий и романов, издающаяся ежедневно», а позже на её основании издал книгу *Кавказ* (1859)⁵, сравнил Шамиля с прикованным к горе Кавказа Прометеем, борющимся против русских царей. Мастер приключенческого романа вспоминает стремительное, загадочное, по истине мистическое (уже легендарное) бегство имама Шамиля со смертоносной горной тропы под Ахульго: «орел ли какой-то пронес его сквозь облака» или «гномы провели его через недра земли в безопасное место» [Dumas 1865, 1,150]⁶.

Сдержанное описание объективного наблюдателя Ибрагимовой того же смертельного поединка с врагом в Ахульго сосредоточено на передаче исторических сведений, касающихся стратегии и тактики боя (десятики лет писательница посвятила изучению документов, касающихся героических и трагических страниц Кавказской войны), воинского духа горцев и действий имама – отважного, отверженного, и в то же время не лишённого человеческих слабостей.

Жаркий август с холодными ливнями косил защитников Ахульго как траву. Некому было отгаскивать раненых, хоронить убитых. Наступали минуты, когда сам Шамиль приходил в отчаяние и удивлялся тому, что Ахульго еще держится. (...)

Силы были слишком неравные. Но воины имама стояли на смерть. В самые опасные минуты имам появлялся перед защитниками и подбадривал воинов. (...) Шамиль от одной позиции шел к другой. Иногда он брал ружьё убитого и становился на его место. Иногда останавливался (...) и просил Аллаха сохранить боевой дух горцев [Ибрагимова].

Шамиль Ибрагимовой в этих экстремальных обстоятельствах не потерял здравого рассудка и поступал как полководец, который ценил и берег жизни своих солдат:

Батальоны Пулло и Врангеля с двух сторон дороги, ведущей до Ахульго, пошли на штурм. Шамиль был у фронтовой позиции. На сей раз не раздался его властный окрик при виде отступающих мюридов. Слишком неравны были силы, и сам он был не настолько жесток и безумен, чтобы и-за глупого упрямства заставить умереть тех, кто был готов умирать [Ибрагимова].

В обоих романах описан конец Шамиля. У Гордона, представляющего историю Шамиля с перспективы Юсуфа, в эпизоде *Падение Шамиля*

⁵ В 1861 г. она вышла в России, в Тифлисе; переиздана второй раз: А. Дюма. *Путевые впечатления. В России*. Ладомир, 1993. В 1862 г. вышла на английском языке в Нью-Йорке.

⁶ “Par où avait-il fui? Comment avait-il disparu? Quel aigle l'avait enlevé dans les nuages? Quel gnome lui avait ouvert un chemin à travers les entrailles de la terre? Nul ne le sut jamais; mais, comme par miracle, il se retrouva à la tête des Avars (...)”. Ср. с Николасом Грифффином [Griffin 2001,196], цитирующим Дюма по английскому переводу: “when confused how the imam had escaped from a mountain trop, that ‘perhaps some eagle had wafted him away through the clouds’ or that ‘gnomes had led him through the bowels of the earth to safety””.

предводитель горцев, ведший двадцать пять лет кровавую упорную борьбу против оккупантов, чья слава облетела весь мир, поняв свое бессилие, на окруженном Гунибе решил сдаться. Воины польской сотни Опалинского, готовые сражаться до последнего, пытаются убедить вождя вести последний бой, но... видят «неподвижную, как бронзовое изваяние, фигуру» [Gordon 161] пророка, стоящего на коленях, со сложенными на груди руками и взглядом, устремленным в сторону Мекки [161]. Польская храбрость, бесстрашие воина особенно контрастируют с пассивным смирением героя. Следует заметить, что Гордон преувеличил в этом случае роль поляков, хотя и историки, и Ибрагимов вспоминают о том, что в состав личной охраны Шамиля входила группа храбрых польских кавалеристов, перебежчиков из русской армии, а начальником артиллерии имамата был польский офицер. Такое неожиданное поведение легендарного имама несколько позже вызвало не осуждение, а скорее сочувствие готового пасть героической смертью на Гунибе рассказчика. Лишенное предыдущего героического пафоса, исполненное обыкновенного человеческого понимания утомленного, сломленного вождя, а также благочестивого признания оправданности его дела, последнее воспоминание повествователя о Шамиле, тем не менее, заканчивается характерными для романтизма риторическими восклицаниями, усиливающими выразительность признания Юсуфом непреходящего значения борьбы предводителя кавказских горцев и нескрываемого призыва к новым сражениям с поработителями.

Эта бронзовая, безмолвная, неподвижная фигура Короля Кавказа, который в последний час поблагодарил Всевышнего за его долгое благословение – эта полная смирения, страдающая фигура несчастного отца, достойного лучшей судьбы, отца детоубийцы⁷, все еще находится в моем воображении. (...) В дни падения он слишком страдал, его сердце слишком сильно болело, чтобы он не отказался от отставки! Да будет воля Божья! Мстители восстанут из пепла! (...) Кибитка в Калугу и рабство вместе с его оставшимся в живых сыном были результатом безоговорочной сдачи защитника независимых горцев (1859 г.) [Gordon 162].

В русскоязычном романе, довольно подробно описывающем духовную и военную биографию Шамиля с позиции объективного наблюдателя-рассказчика, обогащенную отзывами его родственников, соратников [см. о идеостиле Ибрагимовой: Абдуллаев, Абдуллаева 2016, 27], последние размышления полководца перед сдачей в плен представлены контурно, через диалоги действующих лиц, без оценочно-разъяснительного комментария отавторского нарратора. Трудно объяснить внезапную смену решений имама, сознающего свое поражение и бессильного его избежать. Последние указания предводителя окруженных русскими войсками кавказских

⁷ Гордон в одной из предыдущих глав описывает смерть старшего сына, ратовавшего за единение с русскими, от руки отца.

горцев, данные им на диком горном плато Гуниб, расположенном на высоте свыше 2000 м, даже его близкими воспринимаются как противоречивые и нелогичные. Сначала сын от его имени через парламентариев просит царя открыть дорогу в Мекку. «Мы оставим эту гору, этот вилайет со всем тем, что у нас отнято. Мы унесем только свою совесть, честь незапятнанными. Отец мой стар. Последнее его желание – найти покой в молитвах в стране пророка» [Ибрагимова 109]. Через несколько часов Шамиль, собрав осколки разбитой армии, призывает воинов сражаться на смерть, а среднему сыну поверяет как один из возможных планов – перед собственной смертью уничтожение всей семьи. Голос предводителя был тверд и решителен: «Пусть вас не пугает многочисленность врагов, как не пугала тех, кто оставался на краю гибели до конца на вершине Ахульго. Спасение может прийти неожиданно, а если это конец пути, встретим смерть как подобает воинам ислама» [Ибрагимова 110]. Ночью, после долгой молитвы имам подтверждает сыну свое решение биться до конца, а утром высылает парламентария, что вызывает недоумение наследника. В романе Ибрагимовой в последние минуты перед сдачей в плен в свите Шамиля нет польских воинов – имам пребывает наедине с сыном и своей совестью.

Отец, что это значит?

– Разве тебе не понятно? Это значит – я сдаюсь, – спокойно пояснил Шамиль. Гази-Магомед растерянно, с недоумением взглянул на отца:

– Тебя уговорили?

– Нет, я сам так решил. Тогда я не внял голосу живого [сына Джамалуддина, плененного и воспитанного русскими], теперь решил уступить просьбе мертвого. Гази-Магомед испугался слов отца. Он подумал с ужасом, что тот сошел с ума [Ибрагимова 111-112].

Шамиль спокойно и тихо объясняет, что такова воля Аллаха, услышанная им в долгой утренней молитве в словах покойного сына.

Вдруг забылся на миг в каком-то легком приятном полусне. И явился мне образ покойного Джамалуддина, ясный и легкий, как радость. Я услышал голос, чистый, как молитва. «Отец, умоляю тебя, примиришь с русскими», – сказал он и тут же исчез, словно испуганный последовавшим орудейным залпом. Я открыл глаза и увидел свет восходящего дня. Да будет так, если это божья воля [Ибрагимова 111-112].

Далее отавторский нарратор очень подробно и ярко представляет добродетели благородного и гуманного русского царя, дары, которыми он награждал имама, членов его семьи и оставшихся с ним соратников, нескрываемое искреннее восхищение Шамиля «удивительным» русским народом, у которого не замечал «Ни одного взгляда, затаившего ненависть, ни единого лица, искаженного злобой к бывшему врагу России» [Ибрагимова]. Раскаившийся и сожалеющий о содеянном великий имам, поняв глубину своего заблуждения, просит русского царя принять присягу его и его детей на вечное верноподданство. Подписывается: «Верноподданный

Вашего императорского Величества дряхлый старец Шамиль». Своим соотечественникам, подписавшись «Бедный раб всевышнего Шамиль», направляет завещание:

Любимые мои соотечественники! Мир вам! Да хранит вас аллах в полном здравии и благополучии! (...) По милости аллаха и щедрости русского народа я живу хорошо и совершенно счастлив. (...) Если бы я знал, что обрету то, что обрел здесь, давно бы ушел от адских мук, которые терпел много лет на Кавказе. В отношениях с русскими следуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чаши весов справедливости, перетянут больше в сторону добра [Ибрагимов 111-112].

Два исторических романа, несмотря на определенное сходство в передаче личностных качеств предводителя горцев (смелость и героизм, вера, вежливость, грамотность, начитанность, талант, скромность в быту, ораторские и организационные способности, целеустремленность, непоколебимость, жестокость, оценка других не по богатству, родству, занимаемой должности, а по мужеству, боевым способностям, верности и т.п.), фокусируют внимание на разных исторических моментах кавказской войны и разных аспектах деятельности Шамиля, каждый по своему отображает прошлое. И не удивительно, ведь, по словам Евгения Добренко, и историк, и автор исторического романа рассказывают о прошлом, «превращают прошлое в историю-рассказ», «отражают и претворяют прошлое», производят отбор исторического материала и выбор «политико-идеологической матрицы, на которую налагается тот или иной исторический материал», подвергают факты «бесконечной исторической переинтерпретации» [Добренко 2000, 874-875]; эта переинтерпретация весьма зависит от политических, религиозных и эстетических убеждений автора, идеологии его эпохи: «как дискурс о прошлом история всегда есть выражение отношения к прошлому. В этом качестве она не может в той или иной степени не быть «политикой, опрокинутой в прошлое» [Добренко 2000, 875]. Идеология Большой эмиграции была идеологией самоотверженной борьбы за независимость Польши от российского царизма, поисков способов этой борьбы во имя стабильного политического устройства будущей Польши. Поэтому Гордон акцентирует внимание на героических сторонах деятельности лидера восставших горцев и его польских соратников⁸, старается художественно передать факты российского деспотизма и порабощения. Идеологическое и художественное направление его эпохи склоняло к изображению сильных, зачастую бунтарских, страстей и характеров. Прометеизм, романтическая экзотика [2009, 215-217], метафорика, эмоциональные риторические восклицания и вопросы усиливают романтический характер повествования о Шамиле, но нередко последние делают дискурс несколько наивным. Впрочем,

⁸ Проблема польского участия в кавказской войне и её художественного представления в обоих романах требует отдельного рассмотрения.

современная Гордону критика отмечала свойственные его письму «нейзысканный стиль и наивность художественного изображения [Turowicz 1964-1965, XI,97].

Ибрагимова пережила несколько советских исторических реинтерпретаций, переосмысления и оценки деятельности Шамиля (осуждение, прославление, забвение), о чем сама рассказывает [Голосовская 1991]. Этническая память её дагестанских предков, и прежде всего упомянутого деда лакца, иным путём, чем Гордона, ведет её к акцентированию героических черт вождя горцев. Здесь и прославление патриотического духа своего маленького, но доблестного народа, старание донести современникам положительные стороны дела национального героя, пророка. Как замечают её соотечественники,

Ибрагимова поставила перед собой цель – создать положительный образ имама, чтобы опровергнуть мнения тех, кто извращал деятельность гениального предводителя горцев в эпоху Кавказской войны XIX в. Возможно, такая авторская установка явилась причиной того, что образ Шамиля получился слегка идеализированным, лишенным каких бы то ни было недостатков [Абдуллаев, Абдуллаева 2016, 28].

Подлинные и вымышленные герои и ситуации помогают русско-дагестанской писательнице в создании целостной картины предпосылок, хода и кульминации Кавказской войны, живых зарисовок борьбы горцев за свою независимость. Важное место в ее художественно-историческом дискурсе занимает религиозная деятельность Шамиля, роль имама в мобилизации и консолидации этнорелигиозного населения большей части Кавказа, в создании исламского теократического государства. Ибрагимова фокусирует свой интерес на признанных учеными исторических заслугах вождя – «Он сумел сосредоточить в своих руках светскую, религиозную и военную власть и создать продуктивно функционирующее религиозное государство, с его элитами, дипломатией и вооруженными силами» [Vodio 2017, 19]. Нередко она обращается к описанию блюдимых Шамилем религиозных законов, шариата, на что почти не обращает внимания польский писатель, сосредоточившийся на представлении совершаемых воинами-поляками своих католических обрядов, адаптированных к чужой обстановке.

Следует также подчеркнуть, что Ибрагимова писала роман о легендарном вожде, пребывая в рамках традиционной «советской исторической оптики» [термин Добренко, 2000, 877], не выходя из канонов социалистического реализма, требующего от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии. Революционное развитие советской идеи поддержки национально-освободительной борьбы горцев переросло в апологию цивилизационной миссии великого и гуманного русского народа и чествование интернационального сосуществования кавказцев с великими русскими.

Библиография

- Abdullaev Alilgadži, Abdullaeva Zaira. 2016. *Obraz Šamilâ v romane M. Ibragimovoj «Imam Šamil»*. «Izvestiâ Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta» Т. 10, № 2: 26-31 [Абдуллаев Алилгаджи, Абдуллаева Заира. 2016. *Образ Шамиля в романе М. Ибрагимовой «Имам Шамиль»*. «Известия Дагестанского государственного педагогического университета» т. 10, № 2: 26-31].
- Bachórz Józef. 2009. *Egzotyzm*. W: *Słownik literatury polskiej XIX wieku*. Red. Bachórz J., Kowalczykowska A. Ossolineum: 215-217.
- Bodio Tadeusz. 2017. *Wprowadzenie: Z badań nad religiami, polityką, elitami i bezpieczeństwem na Kaukazie Północnym*. W: *Kaukaz Północny: religie, polityka, elity i bezpieczeństwo*. Т. XI. Red. Bodio T. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR:17-46.
- Baddeley John Frederick. 1908. *The Russian Conquest of the Caucasus*. London – New York: Longmans, Green and Company.
- Dobrenko Evgenij. 2000. «*Zanimatel'naâ istoriâ*»: *Istoričeskij roman i socialističeskij realizm*. V: *Socrealističeskij kanon*. Red. Gunter H., Dobrenko E. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademičeskij proekt»: 874-895 [Добренко Евгений. 2000. «*Занимательная история*»: *Исторический роман и социалистический реализм*. В: *Соцреалистический канон*. Ред. Гунтер Х., Добренко Е. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект»: 874-895].
- Dumas Alexander. 1865. *Impressions De Voyage. Le Caucase*. Vol. 1. Paris: Michel Lévy Freres.
- Gordon Jakub. 1865. *Kaukaz czyli Ostatnie dni Szamyla. Powieść historyczna*. Lipsk: F.A. Brockhaus.
- Griffin Nicholas. 2001. *Caucasus: A Journey to the Land Between Christianity and Islam*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Ibragimov Rustam. 2018. *Mariam. Talant soedinennyj s mužestvom*. Blagotvoritel'nyj fond im. Mariam Ibragimovoj. V: <https://www.litres.ru/rustam-ibragimovich-ibragimbekov/mariam-talant-soedinennyu-s-muzhestvom/chitat-onlayn/> [Dostup 21 III 2020] [Ибрагимов Рустам. 2018. *Мариам. Талант соединенный с мужеством*. Благотворительный фонд им. Мариам Ибрагимовой. В: <https://www.litres.ru/rustam-ibragimovich-ibragimbekov/mariam-talant-soedinennyu-s-muzhestvom/chitat-onlayn/> [Доступ 21 III 2020].
- Ibragimova Mariam. 1991. *Šamil'. Roman*. Vstupitel'naâ stat'â N. Golosovskoj. Illüstracii Anatoliâ Cvetkova. Oformlenie Dmitriâ Orlova. Moskva: Izdatel'stvo «Sovetskij pisatel'». <https://knigogid.ru/books/932802-imam-shamil/toread> [Dostup 9 V 2020] [Ибрагимова Мариам. 1991. *Шамиль. Роман*. Вступительная статья Н. Голозовской. Иллюстрации Анатолия Цветкова. Оформление Дмитрия Орлова. Москва: Издательство «Советский писатель». <https://knigogid.ru/books/932802-imam-shamil/toread> [Доступ 9 V 2020].
- Inglot Mieczysław. 1957. *Polacy piszący na Kaukazie w pierwszej poł. XIX w.: materiały do zagadnienia*. „Pamiętnik Literacki” nr 48/2: 538-551.
- Kalembka Sławomir. 1971. *Wielka Emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831-1862*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Krymskij Agafangel. 1897. *Mûridizm* («poslušničestvo»). V: *Ènciklopedičeskij slovar'*. Т. 20. Fridrih Arnol'd Brokgauz" i П'â Abramovič Efron" (izd.). Ped. Andreevskij I. S.-Pererburg:
- Тиро-литографіа І.А. Ефрона: 373-374 [Крымский Агафангел. 1897. *Мюридизм* («послушничество»). В: *Энциклопедический словарь*. Т. 20. Фридрих Арнольд

Брокгаузъ и Илья Абрамович Ефронъ (изд.). Ред. Андреевский И. С.-Перербург: Типо-литографія И.А. Ефрона: 373-374.

Novitskiy Igor'. 2009. *Upravleniye etnopolitikoy Severnogo Kavkaza*. Krasnodar: «Zdravstvuyte» [Новицкий Игорь. 2009. *Управление этнополитикой Северного Кавказа*. Краснодар: «Здравствуйте»].

Tyrowicz Marian. 1964-1965. *Jatowt Maksymilian*. W: *Polski słownik biograficzny*. T. 11. Red. Alberowa Z., Rostworowski E. Wrocław: Ossolineum – PAN: 96-97.

Zahorski Andrzej, Kieniewicz Stefan, Zajewski Władysław. 1992. *Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe*. Warszawa: Książka i Wiedza.